

С. Ферхеес,

*аспирант школы лингвистики
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики» (г. Москва)*

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И ПЕРФЕКТ В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале говора с. Кина)

В нахско-дагестанских языках широко представлена категория эвиденциальности, или грамматическое маркирование источника сведений говорящего о сообщаемой им ситуации. Представление этого признака на географической карте отображает определённое ареально-генетическое распределение внутри языковой семьи, которое требует дальнейшего исследования. В то время как в большинстве нахско-дагестанских языков эвиденциальность выражается (в том числе и) перфектной формой глагола, считается, что в рутульском языке (и в некоторых других) в глагольной парадигме этот признак отсутствует. Статья посвящена вопросу наличия данного признака во временных формах, как перфект в рутульском языке, а также вопросу о том, что выражает рутульский перфект, если не эвиденциальность. В первом разделе обсуждается существующая литература по этой теме, второй раздел даёт характеристику системы прошедшего времени в рутульском языке (конкретно в ныне неопisanном диалекте с. Кина), в третьем разделе описаны результаты полевого исследования, проведённого автором данной статьи в с. Кина летом 2016 года. Представленные данные исследования и их значение для типологии нахско-дагестанских перфектов обобщены в заключении.

Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках.

В нахско-дагестанских языках есть два основных способа выражения категории эвиденциальности*: 1) перфектная форма глагола; 2) частицы косвенной речи или инференции. Они представляют собой маленькие с типологической точки зрения системы, в которых различается в первую очередь косвенная засвидетельствованность. В некоторых языках также маркируется прямая засвидетельствованность (обзор об эвиденциально-

© Ферхеес С., 2017

* Бывают ещё аналитические конструкции с глаголами («найти» или «останавливаться» в качестве вспомогательного глагола), но про них пока мало известно.

сти в нахско-дагестанских языках см. в работе [1]). Косвенная засвидетельствованность включает в себя информацию из чужих слов, инференцию из очевидных последствий, а также инференцию на основе какого-то личного знания говорящего [2]. Как описано в том числе в источнике [3], выражение эвиденциальности перфектной формы глагола на самом деле является ареальным признаком большой территории, окружающей носителей нахско-дагестанских языков. При этом эвиденциальность как грамматическая категория считается «чувствительной» к заимствованию в ситуациях языкового контакта.

Типология перфекта. Под термином «перфект» мы понимаем форму глагола типично аналитического строя со вспомогательным глаголом, которая противопоставлена менее маркированному перфективному прошедшему и выражает одно из значений, которое ассоциируются с перфектом в типологической литературе [4].

Перфект известен тем, что он семантически нестабилен. У этой формы, как правило, не одно, а несколько значений, и, как отмечено В.А. Плунгяном [5], нестабильность, наверное, его самый универсальный признак. При этом, как правило, набор его возможных значений весьма разнообразен. Из этого следует, что для описания языка ярлык «перфект» не достаточен, т.к. наименование само по себе мало говорит о конкретной семантике некоторой формы. В европейских языках, например, более распространены значения «текущей релевантности» [6], а в нахско-дагестанских языках преобладает эвиденциальность. Как ранее было отмечено, например, С.Г. Татевосовым [7], значения текущей релевантности в нахско-дагестанских языках присутствуют, но они имеют весьма маргинальный характер. Рутульский язык в этом плане является особенным на уровне языковой семьи, что и будет доказано ниже.

Ареально-генетическое распределение. На *рисунке* показано распределение разных способов выражения эвиденциальности в нахско-дагестанских языках*. На карте представлены данные, которые описаны в научной литературе, созданной на современном этапе изучения нахско-дагестанских языков. На данный момент нельзя окончательно утверждать о наличии или отсутствии признака, основываясь на материалах изученных работ. Существует вероятность того, что для некоторых языков признак эвиденциальности ещё не описан или же, наоборот, представлен, но не имеет доказательной основы о содержании грамматикализованного характера.

* Карта была создана автором данной статьи с помощью пакета *lingtypology* для R, проработанного Г.А. Мороз, преподавателем Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (см. подробности о пакете (на английском языке): <https://agricolamz.github.io/lingtypology>).

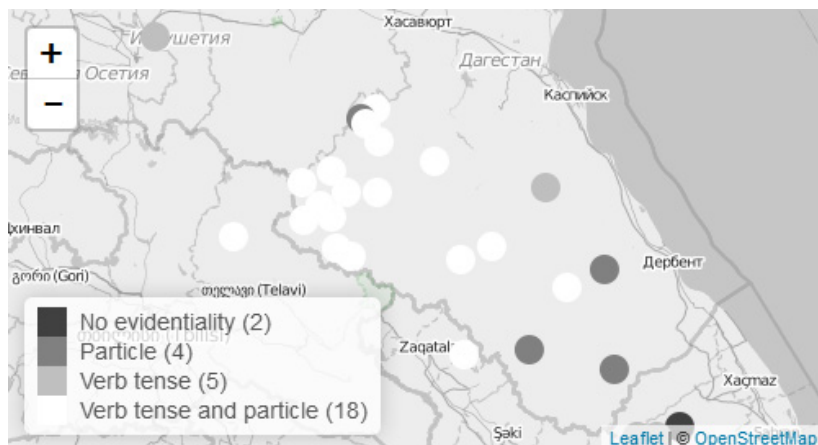

Рис. Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках

Подробно рассмотрев данные рисунка, нетрудно заметить, что в большинстве языков эвиденциальность выражается временными формами глагола, так же как и частицами. К тому же стоит отметить, что лезгинские языки, используемые на юге Дагестана и на севере Азербайджана, отличаются от общего дагестанского типа*. Вероятно, можно говорить об отсутствии эвиденциальности в изолированных будухском и удинском языках, основываясь на данных научных источников. В рутульском, лезгинском и табасаранском языках употребляются только частицы, а в крызском, наоборот, наблюдается использование только временных форм глагола.

Исключениями являются агульский и арчинский языки. Последний находится в окружении и контакте с другими дагестанскими языками, что могло бы объяснить присутствие в нём грамматикализованного маркера эвиденциальности. С другой стороны, в агульском языке категория эвиденциальности в глаголе была открыта относительно недавно [8]**. Именно поэтому можно говорить о возможности неописанных ранее фактов нали-

* Отмечается также, что ингушский и чеченский языки отличаются от дагестанских отсутствием эвиденциальных частиц.

** В цахурском языке эвиденциальная семантика сложным образом перемешана с другими категориями (см.: Майсак Т.А., Татевозов С.Г. Кодирование эпистемического статуса средствами морфосинтаксиса (на материале цахурского языка) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 1. – С.60–88; Maisak T.A., Tatevosov S.G. Beyond evidentiality and mirativity: Evidence from Tsakhur // L'énonciation médiatisée II. / eds. by Z. Guentchéva, J. Landabaru. – Louvain/Paris: Peeters, 2007. – С.377–406).

чия данной категории в остальных лезгинских языках. В отношении рутульского языка это невозможно, т.к. есть несколько источников, довольно подробно описывающих существующие формы глагольной парадигмы.

Система прошедшего времени в рутульском языке. В говоре с. Кина корневая система прошедших времён глагола выглядит следующим образом (см. табл.).

Т а б л и ц а

Прошедшее время в рутульском языке (диалект с. Кина)

Форма	w-ezas ('дойть')
Аорист	w-ezɨr
Перфект	w-ezɨr a
Плюсквамперфект	w-ezɨr aj
Имперфект	w-ezar aj

Примечание: Таблица основана на обзоре глагольных форм говора с. Кина, подготовленном Н.Р. Добрушиной во время экспедиции в 2016 году.

В действительности рутульский язык имеет гораздо большее количество форм прошедшего времени, но в таблице представлены самые частотные. Особый интерес вызывает разница между аористом (который равен перфективному деепричастию) и перфектом (который состоит из перфективного деепричастия с прибавлением связки *a* – 'есть, имеется, находиться'), потому что аналогичные формы в других дагестанских языках выражают оппозицию по эвиденциальности.

В работах С.М. Махмудовой [9] и М.Е. Алексеева [10] о рутульском и лучекском говорах финитная форма без связки не упоминается. По М.Е. Алексееву [11], в лучекском говоре 'аорист' состоит из перфективного деепричастия (*'terminative gerund'*) и связки *i*, но в говоре с. Кина формы с этой связкой оказываются малоупотребительными (см. ниже). У С.М. Махмудовой перфективное деепричастие со связкой *i* описано как «простое прошедшее результирующее», а «простое прошедшее» является перфективным деепричастием с добавлением *ij* [12]. Та же форма описана М.Е. Алексеевым как прошедшее общее, которое выражает «действие, *хабитуально* происходящее в прошлом» [13]. Поэтому кининский говор в этом плане оказывается ближе к мухадскому, описанному Г.Х. Ибрагимовым [14], для которого отмечено «прошедшее общее», формально совпадающее с деепричастием, на *-ir*. Форма со связкой описана как «недавно прошедшее недлительное». Та же форма описывается С.М. Махмудовой как «преждепрошедшее неопределённое результирующее» [15], а М.Е. Алексеевым как «перфект» [16]. Как уже упоминалось выше, помимо связки *a*

в рутульском имеется связка *i* со значением ‘есть, является’. Она также выступает в глагольных конструкциях, но в данных кининского говора употребление данной связки встречалось недостаточное количество раз. Исходя из этого в данной статье рассматриваются только формы со связкой *a**.

При элицитировании простых изолированных предложений о действиях, завершённых в прошлом, носители могут использовать перфект или аорист. Например:

- (1) *za-d xila-bir jidvir* (a)
я-ERG рука-PL помыть.CVB (AUX.PRS)
‘Я помыл руки.’

Такие случаи носители языка разных возрастов комментировали, что оба варианта допустимы и различие сложно объяснить, однако варианты со связкой часто переводятся со словом «уже».

Эвиденциальность. По результатам проведённых исследований более сложные примеры с разными эвиденциальными контекстами подтвердили мнение, что засвидетельствованность говорящего не играет роли при выборе формы прошедшего времени. Использовались 2 анкеты: для элицитирования эвиденциальности и для разных значений перфекта. Ни один пример с явным эвиденциальным контекстом не элицитировал определённую форму, которую нельзя было заменить на другую из-за параметра засвидетельствованности.

Не менее существен и следующий факт: носители языка при формулировании отмечали, что при использовании аориста осуществляется только передача факта, а употребление перфекта подчёркивает, что, событие произошло только что, или делает акцент на достижении результата действия. Соответственно, известный «эффект первого лица» не возникает, например, в предложениях типа (1) с перфектом**.

В то же время в эвиденциальных контекстах употреблялись имеющиеся в рутульском эвиденциальные частицы. Они являются непарадигматическими, т.е. факультативно добавляются к спрягаемой форме глагола.

* Следует отметить, что в данном исследовании связка пишется отдельно, но у носителей языка она произносится с варьирующей степенью слитности. Упомянутое расхождение отражается также в дескриптивной литературе. В одних источниках авторы указывают связку энклитически, а другие отмечают как отдельную словоформу.

** Эффект первого лица – ограничение на употребление перфекта с субъектом первого лица, которое вытекает из эвиденциальной семантики. Сочетание косвенной засвидетельствованности с действующим первым лицом даёт значение, что говорящий делал что-то неосознанно (см., напр.: Aikhenvald A.Y. Evidentiality. – New York: Oxford University Press, 2004. – С.219).

- (2) *šeher-d-e q'ixti-bir jidq'ir a-xwa*
 город-AD начальство-PL приехать.CVB AUX.PRS-REP
 'В город приехало начальство, говорят.'

Несомненно, факт использования носителями языка необязательных выражений эвиденциальности в ответах на представленную анкету подтверждает, что если бы в глаголе была грамматикализованная эвиденциальность, результаты отразили бы это явление.

Перфект и нарративы. Также стоит отметить, что в повествовании используется аорист, являющийся нехарактерным явлением для нахско-дагестанских языков. Перфект часто является предпочтительной формой в нарративах о событиях, свидетелем которых говорящий не был. При элицировании нарративов использовался только аорист, в отличие от изолированных предложений. В примере (3) представлена часть такого нарратива.

- (3) *hanu-wa le<w>šur dahar, s'iwX'ir yara-a.*
 DEM.OBL-ERG <M>взять.AOR камень бросать.AOR змея-IN
 'Он взял камень и бросил [его] на змею.'
had w-iq'ir
 DEM M-умереть.AOR
 'Та умерла.'

В данном примере при замене аористной формы на перфект, по мнению говорящих, подчёркивается, что это событие произошло только что. В общей типологии перфекта это называется «*hot news perfect*», или перфект недавнего прошедшего [17]. Спонтанные нарративы также преимущественно построены на аористе.

Результатив. В кининском говоре перфект также имеет значение результатива – состояние, которое является результатом действия в прошедшем. Из-за этого некоторые глаголы используют перфект для обозначения состояния в настоящем:

- (4) *key-tav had saxir a*
 будить-PROH он спать.CVB AUX.PRS
 'Не буди его, он спит (=заснувший есть).'

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что у рутульского перфекта действительно нет эвиденциального значения, что для нахско-дагестанского языка довольно необычно. Данная форма главным образом выражает только что завершённое действие (или «*hot news perfect*», который относится к семантической зоне текущей релевантности), а с определёнными глаголами указывает на результирующее состояние завершённого действия. Следовательно, перфект не выступает как основная по-

вестовательная форма, т.к. его главная функция – подчёркивать отдельность определённого действия как свершившегося только что. В этом отношении рутульский язык отличается от большинства нахско-дагестанских языков, в которых главное значение перфекта – косвенная засвидетельствованность. Разумеется, это обстоятельство подчёркивает релевантность более подробных описаний употребления глагольных форм.

Семантика перфекта в нахско-дагестанских языках представляет собой многогранную и малоизученную тему. Рисунок показывает некоторый ареально-генетический кластеринг внутри семьи языков, однако для составления более точной ареальной картины необходимы более подробные сведения и сравнительные исследования употребления данных форм в разных языках, что в итоге позволяет установить происхождение таких грамматических категорий, как эвиденциальность, в данной языковой семье.

* * *

1. *Forker D.* Evidentiality in Nakh-Daghestanian languages // *The Oxford Handbook of Evidentiality*. – 2016. – P.52–68.
2. *Plungian V.A.* The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of Pragmatics* – 2001 – № 33. – P.351–352.
3. *Aikhenvald A.Y.* Evidentiality. – New York: Oxford University Press, 2004.
4. *Dahl Ö.* Tense and aspect systems. – Oxford: Basil Blackwell ltd, 1985; *Dahl Ö.* Tense and aspect in the languages of Europe. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
5. *Плунгян В.А.* К типологии перфекта в языках мира: предисловие // *Казанский Н.Н.* Типология перфекта. – СПб.: Наука, 2016. – С.7–38.
6. Подробное описание семантического домена «текущей релевантности», или current relevance см.: *Ritz M.E.* Perfect tense and aspect // *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*. – 2012. – P.881–907.
7. *Tatevosov S.G.* From resultatives to evidentials: Multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – № 33. – P.451.
8. *Майсак Т.А., Мерданова С.Р.* Категория эвиденциальности в агульском языке // *Кавказоведение*. – 2002. – № 1. – С.102–112.
9. *Махмудова С.М.* Грамматические категории и грамматические классы в рутульском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Махачкала, 2001.
10. *Alekseev M.E.* Rutul // *The indigenous languages of the Caucasus*. – 1994. – № 4. – P.213–258.

11. *Alekseev M.E.* Op. cit.
12. *Махмудова С.М.* Указ. соч. – С.146–147.
13. *Alekseev M.E.* Op. cit. – P.231.
14. *Ибрагимов Г.Х.* Рутульский язык. Синхрония и диахрония. – Махачкала: Народы Дагестана, 2004.
15. *Махмудова С.М.* Указ. соч. – С.146.
16. *Alekseev M.E.* Op. cit. – P.231.
17. *Ritz M.E.* Op. cit. – P.883.